

УДК 809-027.14:808.1-058.237

ГЕРОЙ И ЕГО ПРОТОТИПЫ. АЛЛЕГОРИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РОМАНЕ М. ГОРЬКОГО «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»

Борисова Л. М., Шульженко Ю. А.

*Институт филологии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь
E-mail: borlm-sf@mail.ru, juliashul22@gmail.com*

Анализ связи героя с «групповым прообразом» указывает на постоянный вектор в авторской оценке личности Самгина: определенность / неопределенность социально-политической позиции. Многообразие и сложность профессиональных, духовных, культурных исканий героя в «Жизни Клима Самгина» рассматриваются как измена основному назначению интеллигента, в котором писатель видит главное лицо «вечной революции». Рассматривая ключевые эпизоды романа в контексте эпистолярного и публицистического наследия Горького, авторы статьи приходят к выводу о понятийной подоплеке, его аллегоризме. Об этом же свидетельствуют отвлеченные метафоры и риторические лейтмотивы в характеристике героя. На иносказательный смысл повествования указывают также прямые авторские ремарки в тексте романа. Своеобразие горьковской аллегории интеллигенции состоит в том, что наряду с традиционной иллюстративной образностью она включает в себе реалистический характер, разработанный с документальной точностью. В статье приводятся многочисленные примеры текстологических совпадений в «Жизни Клима Самгина» с воспоминаниями конкретных исторических лиц.

Ключевые слова: прототип, М. Горький, «Жизнь Клима Самгина», аллегория, интеллигенция

ВВЕДЕНИЕ

Нам уже приходилось писать о том, что прототипический подход позволяет лучше понять феномен такого загадочного, по определению исследователей, персонажа, как Клим Самгин. В частности, при таком подходе становится очевидным стремление писателя к предельной обобщенности образа. Внутренняя раздвоенность героя между общественным долгом, унаследованной от предшественников идеей служения народу и интересами иного порядка, идущими от осознания ценности личности (прежде всего своей собственной), в оценке Горького, – сущностный признак всего предреволюционного поколения русской интеллигенции [7]. Однако поколенческим фактором не исчерпывается суть отмеченного противоречия, вторая его часть также включает в себе проблему. С осознания себя творческой силой, писал Горький в статье «Разрушение личности» (1909), начинается и расцвет личности, и ее драма. Драма индивидуализма. Творческую силу, по Горькому, человеку дает коллектив, и без этой связи он быстро ее растрачивает. В разное время писатель по-разному смотрел на отношения личности и коллектива [см. 35]. В последнем романе, подчеркивая творческую несостоятельность тяготящегося коллективом Клима Самгина, он возвращается к своему старому тезису. Но как это выглядит с художественной точки зрения? Попробуем ответить на вопрос с привлечением «цитат жизни» (выражение А. И. Овчаренко) из мемуарного, публицистического и художественного наследия прототипов «тезиса».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Родословная Самгина впечатляет и побуждает исследователей оспаривать авторскую характеристику героя как «пустой души»: «...Может ли Клим Самгин быть "пустой душой", если среди его прототипов были такие незаурядные люди, как С. П. Мельгунов, В. С. Миролюбов, К. П. Пятницкий, А. А. Ярошевский, В. С. Лукин и даже, если верить Е. П. Пешковой, И. А. Бунин?» [32, с. 244].

Самгин и другие: поиски призвания

Многообразная одаренность и широта интересов – отличительные черты прототипов Самгина. Парадоксальным образом именно эти качества порой затрудняли им выбор профессионального поприща. Во всяком случае, далеко не все сразу нашли сферу применения своим талантам. В поисках призвания Поссе, например, пробовал силы на историко-филологическом факультете Петербургского университета: «Думал заниматься историей и литературой. Но больше всего заинтересовался сравнительным языковедением» [33, с. 31]. Через год перевелся на юридический факультет, получил звание кандидата прав, но карьере адвоката предпочел работу врача. «Врач, казалось мне, может быть свободным, независимым, и жить со спокойной совестью и радостным сознанием, что он приносит пользу...» [33, с. 48], – вспоминал он позже это время. (Только при большом желании эти слова можно расценить как измену заветам народничества в поисках комфортного положения в обществе.) Но так как «медицина – надстройка над естествознанием», то прежде занялся этими дисциплинами. «И разве можно считать себя образованным в конце девятнадцатого века, не изучив основ естествознания?» [33, с. 48]. «Занятия медициной давались мне нелегко» [33, с. 68], – признавался Поссе, вспоминая свои муки в анатомическом театре. Но, работая много и успешно, он выдвинулся в число лучших студентов, так что даже время от времени стал получать приглашения на ужин к своему университетскому профессору. (Медицину и естествознание Поссе постигал в Иене). «Но естествознание и медицина не поглощали всех моих сил. Я находил время слушать лекции по философии <...>, следить за художественной литературой, знакомиться с политической жизнью...» [33, с. 69]. Эти интересы в конце концов перевесили у Поссе все остальные. Он нашел себя в публицистике и основательно занялся издательской деятельностью.

Многогранность личности – первое, что бросается в глаза у «собирательного» прототипа Самгина. Пятницкий – известный издатель, руководитель знаменитого «Знания», окончил естественное отделение Петербургского университета. Миролюбов, «студент-юрист из семинаристов» [3, с. 273], по характеристике Амфитеатрова, обладал прекрасным голосом (как вспоминали современники, это был едва ли не уникальный бас), учился пению в Италии и несколько лет выступал на сцене Большого театра, прежде чем сосредоточился на редакторской и издательской деятельности. Маклаков начинал учиться на естественном факультете Московского университета, с мыслью о научной карьере перешел на историко-филологический, но, убедившись, что по натуре «не настоящий ученый» [29, с. 200], окончил экстерном юридический и, наконец, получил известность как адвокат. Мельгунов сразу вышел на свою профессиональную стезю, он известен как автор серьезных трудов по общественно-политической и церковной истории России, но также занимался публицистикой, а кроме того, как и многие другие из тех, о

ком идет речь, – издательской деятельностью. Сам Горький, как известно, в странствиях по Руси перепробовал десяток профессий исключительно с целью познания жизни. (Поссе в своих воспоминаниях не мог не отметить этот факт).

Профессиональная деятельность горьковского героя носит более скромный характер, чем у лиц, определенных ему автором в качестве прототипов, при том что в его судьбе просматривается уже знакомая схема: юрист-публицист-писатель-литературный критик. Но все зигзаги в профессиональной жизни Самгина происходят не от многоодаренности, а от безразличия к какой бы то ни было деятельности. Нет ни одного вопроса, ни одной науки, которыми бы Клим заинтересовался по-настоящему. В профессиональном и шире – творческом плане интеллигент у Горького остается такой же размытой, колеблющейся, неопределенной фигурой, как и в плане социально-политическом.

В гимназии Клим «учился усердно, но не очень успешно» [11, с. 69] и к вопросу о дальнейшем образовании подошел без особого энтузиазма. Поначалу, поддавшись на уговоры отца, согласился поступать в институт гражданских инженеров («Варавка устроил все, что было необходимо, чтоб Клима приняли» [11, с. 197]), но затем изменил решение и остановил свой выбор на более престижном юридическом факультете.

Университетская жизнь разочаровала героя: «Науки не очень интересовали Клима» [11, с. 217]. Самгин скоро пожалел, что избрал профессию адвоката: «следовало бы учиться в институте гражданских инженеров, как советовал Варавка» [12, с. 163]. Клим совершенно не представлял себя в качестве «защитника убийц, поджигателей, мошенников. У него вообще не было позыва к оправданию людей» [12, с. 160].

От Миролюбова, Маклакова, Айхенвальда, Поссе к Самгину перешел ораторский дар. Как лектор он обратил на себя внимание после событий 9 января 1905 года, став их невольным свидетелем. «После каждого доклада он чувствовал себя умнее, значительней» [12, с. 578]. Но, едва наделив героя красноречием, Горький тут же этот дар у него и отнял, объяснив кратковременный успех Самгина особым настроением аудитории. Обыватель «стосковался о необыкновенном», а Клим рассказал о событии так, что удовлетворил этот запрос: «Ему очень хотелось попутать людей, и он делал это с наслаждением» [12, с. 575].

Только в глазах жены Клим выдающийся оратор: «Как замечательно ты говоришь <...> Ты был бы знаменитым прокурором» [12, с. 623]. Про себя же герой знает, что «говорит неинтересно, слушают его невнимательно» [11, с. 283], и что дело тут не в даре слова как таковом, а в отсутствии собственных мыслей.

Привычка Самгина во всем замечать отталкивающие стороны, ошибочно принятая за критический склад ума, некоторое время позволяла его окружению предполагать у него способности к литературной критике: «У вас все данные для такой роли: критическое умястроение, сдерживаемое осторожностью суждений, и хороший вкус» [11, с. 505]. Но, попробовав себя в качестве публициста, Клим скоро убедился, что его мысли не оригинальны, «некоторые фразы многословны и звучат тяжело, иные слишком высокопарны», а в каких-то и вовсе повторяются чужие формулировки. Мнения коллег и знакомых не разошлись с его собственным: «...Написано несколько излишне нарядно», «...Статейка похожа на витрину гастрономического магазина: все – вкусно, а – не для широкого потребления» [12, с. 24, 25].

Тем не менее, идя по стопам прототипов, герой не избежал искушения писательством «Спрятаться куда-нибудь в провинциальную трущобу, жить одиноко,

попробовать писать...» [12, с. 406]. И, надо признать, не без удовлетворения проводил время «наедине с самим собою, в безмолвной беседе с бумагой, которая покорно принимала на себя все и всякие слова» [12, с. 89]. Самгин даже уверился, что, не будь он женат, из него получился бы достойный литератор, пишущий «о тихом торжестве злой скуки жизни не хуже Чехова и, конечно, более остро, чем Леонид Андреев» [13, с. 144]. При этом он сознает ограниченность своих возможностей: «Я много и отлично вижу. Но – плохо формирую, у меня мало слов» [13, с. 63]. Так что, если бы даже герой закрепился на писательском поприще, из него в лучшем случае выработался бы автор уровня Тимковского, не случайно определенного ему в прототипы, но никак не Чехова или Андреева.

К Тимковскому современники относились по-разному. Вересаев, например, отзывался о его писаниях как о «безнадежно тусклых и угнетающе гуманных» [8, с. 476]. Но были и такие, которые отдавали автору должное: «Он в своих произведениях по существу близко подходил к А. П. Чехову, но ни тонкого юмора, ни высокой художественности <...> у него не было. <...> он просто реально описывал своих героев, тоже "хмурых" людей <...> служащих, учащих, учащихся, выбитых из колеи жизни, обиженных, униженных, задавленных сильными людьми» [5, с. 119–120]. «Его герои, – писала о Тимковском критика, – <...> подавленные рутиной и однообразием жизни "душевно раздвоенные люди". Такой герой «начинает с "отвращением" относиться ко всем окружающим его людям, он тяготится жизнью» [37]. Самгин, не доверяя собственной способности к обобщениям, предпочитает оперировать фактами (в глазах Горького это, конечно, объективность Дятла), что весьма созвучно творчеству Тимковского в оценке Михайловского: «Автор сохраняет вид совершенно спокойного, хладнокровного наблюдателя, бесстрастно записывающего факты действительной жизни» [30]. Но горьковский герой проигрывает в сравнении и с этим писателем. Да, «Тимковский говорит вещи не особо новые, не для открытий» [25, с. 355], – писал Короленко. Но этот автор передает «настроение среднего думающего и чувствующего русского человека» в момент обострившегося противостояния «малых дел» и «больших вопросов». «Сказать, что г. Тимковский разрешает эту трагическую коллизию, значило бы сказать неправду», но вместе со своим героем он ведет читателя в подвалы тех, ради кого предназначены «тюфяки» и «пособия», предметы «малых дел», – заключает Короленко. Если учесть, что Самгин меньше всего способен печься о городской бедноте (на уровне малых дел народнический комплекс ему изначально чужд), то не приходится сомневаться: даже Тимковский из него вышел бы лишь наполовину.

По наблюдениям Горького, при скромных дарованиях людей вроде Самгина отличает повышенное внимание к собственной личности и переоценка ее масштаба. О том же Тимковском Горький писал, что ему свойственно «холить и лелеять себя» [15, с. 350], о Пятницком говорил: «убийственно и смешно самодоволен» [18, с. 208], а о воспоминаниях Поссе отзывался: «Зеркало, в котором он видит себя, превосходно увеличивает и украшает фигуру. <...> Но это участь всех, кто видит себя одной из главнейших сил, кои творят "историю"» [24, с. 173]. (Заметим, что Самгину, подобно редактору «Жизни», свойственно представлять себя в числе личностей, «бытие которых окрашивает эпохи» [12, с. 311].)

В свою очередь Поссе замечал «самодержавные наклонности» у Миролубова, а о Бунине говорил автору «Самгина»: «<...> есть в нем нечто общее со мной, вероятно, это его аристократическое сознание своей "самости, ячности"» [24, с. 243] (признание,

которое не может не вызвать ассоциаций с фамилией героя и невольно наводит на мысль о ее этимологии). Разделяя такую оценку Бунина, писатель игнорирует важное обстоятельство: Бунин – художник. Пришвин, тонко заметивший в Горьком «борьбу и мешанину» двух существ – хозяина и художника, написал в своем дневнике следующее: «Хозяин и Художник: Хозяину – род, Художнику – личность (здесь и далее подчеркнуто Пришвиным. – Л. Борисова, Ю. Шульженко). Личность и род. Возникновение ненавистного Художнику и любезного Хозяину среднего арифметического – "человечество" и равно непонятого для Хозяина – "бессмертной, единственный раз показавшейся на свет личности"» [34, с. 230].

Вопрос о личности и коллективе нельзя считать окончательно решенным Горьким, но в «Жизни Клим Самгина» он, безусловно, выступает в ипостаси «государственника», «Хозяина».

У Поссе не было горьковского размаха колебаний, именно поэтому его позиция была менее односторонней. Он он не только отдавал себе отчет в «самодержавных» наклонностях русской предреволюционной интеллигенции (в том числе у себя самого), но и точно определял его философские истоки. «С захватывающим интересом прочел я единственную книгу Штирнера – "Единственный и его собственность". Ни одна книга не имела на меня такого сильного влияния, как "Единственный" <...> Я осознал себя единственным, равного которому не было и не будет. <...>

Осознав себя единственным, я оправдал любовь к себе. Я понял, что бороться и творить может лишь тот, кто любит себя и кто развивает и повышает эту любовь до пределов альтруизма, до предела любви к другим, а любовь эта в том, чтобы все сделались «единственными, чтобы все сделались свободными. Я отверг любовь-жертву, ту самоотверженную любовь, которая старается поработить и обезличить любимого» [33, с. 106].

В «Жизни Клим Самгина» Горький развенчал «самодержавие» личности, представив его тупиком в развитии человечества. В период работы над романом писатель с жесткой иронией вспоминал, как в молодости студент Васильев «обрабатывал» его Ницше, а Поссе – Штирнером, [24, с. 173]. Но и Ницше, и Штирнер – важные этапы его пути. В 1911 году Горький писал Л. А. Никифоровой: «Люди типа Ницше-Штирнера – плохие индивидуалисты, они слишком много заботились о человечестве, слишком искренне и горячо желали ему добра – свободы от глупости, пошлости, от предрассудков, предубеждений, скверных привычек и авторитетов» [19, с. 60]. В том же письме Горький далее прославлял личность: «Личность, человек – вот она драгоценнейшая наша реальность». Но личность драгоценна, когда «чувствует себя совершенно правильным выводом из посылок прошлого и необходимейшей посылкой в будущее», когда «мужественно сознается в ограниченности своих *личных* (курсив Горького. – Л. Борисова, Ю. Шульженко) сил», когда «знает, что ее бытие обусловлено именно в тех формах, в той среде, в коих она существует» [19, с. 60]. (NB. Примечательная постановка вопроса: чтобы раскрыться, личности нужно не забыть о себе в творчестве, но знать свое место.) В противном случае она перерождается в «ячность» – «специфически русскую болезнь», которая «заставляет человека всю жизнь возиться со своей душой, которая <...> ничего в себе не держит, ибо находится в постоянном трепете», и кричать: «не хочу культуры, не хочу будущего, какое мне дело до человечества?» [19, с. 61].

Как видно из этого демарша, «ячник» не обязательно интеллигент: самый большой враг культуры и коллективизма у Горького неизменно мужик, тень которого витает и в

цитируемом письме. Там, где в одной стране многовековая культура побуждает человека на вопрос: «ты кто?» – ответить: «каприец», «миланец», «итальянец», другой скажет только: «я – Ванька!» – такую картину автор «Сказок об Италии» рисовал заступавшейся за личность писательнице. Сетуя на «грубость» сказанного им в письме, Горький рекомендовал корреспондентке свою статью «Разрушение личности»: «...Плохая статья, но она, все-таки, может помочь Вам понять меня» [19, с. 61]. В письме, однако, он рассуждает на тему личности не столь прямолинейно, как в статье, где признает за коллективом право избавиться от нерядового, непонятного ему индивида. Именно это и происходит в финале романа.

«Из того факта, что он (Горький. – Л. Борисова, Ю. Шульженко) связал образ Самгина с реально существовавшими лицами, отнюдь не вытекает, будто между ними и персонажем произведения можно поставить знак равенства...» [32, с. 223–224] – писал А. И. Овчаренко. Преображение документального материала в художественный начинается с того, что Горький последовательно отнимает у героя все те таланты, которыми обладали его прототипы, даже певческий дар Миролубова отдает большевику Кутузову. Писатель, таким образом, иллюстрирует в романе заявленную в «Разрушении личности» мысль об оскудении творческой силы личности по мере ее отдаления от коллектива.

Самгин и другие: религиозно-философские искания и культурные интересы

Другой момент, позволяющий лучше понять суть невысказанных, но тем не менее хорошо ощутимых претензий автора к герою, связан с горьковской оценкой духовных и художественных исканий его прототипов. Поссе, например, Горький выговаривал за идеалистические настроения (тот позже оправдывался, что, обмолвившись однажды «"без Бога жить нельзя", имел в виду не церковные религии, а <...> нечто в роде того "богостроительства", которым впоследствии увлекался и Горький» [33, с. 249]. Охлаждение в отношениях Горького с Миролубовым началось с участия последнего в религиозно-философских собраниях: «...основателями религиозных о-в являются всегда либо прохвосты и мерзавцы, либо безличные, а то юродивые людишки» [16, с. 208]. Пятницкого, который после событий 1905 года предлагал выпускать в «Знании» два вида сборников: один в «духе времени», где будет публиковаться литература, которая «ведет к освобождению человека», а второй – под редакцией Горького, автор «Самгина» стыдил за модернизм: «Быть декадентом стыдно, так же стыдно, как болеть сифилисом» [18, с. 52].

Наряду с другими герой романа унаследовал и эти интересы прототипов. Неслучайно в своем студенческом окружении Клим выделяет Нехаеву, познакомившую его с новым искусством. «Она заскочила куда-то далеко вперед... образованнее и умнее всех в этой компании...» [12, с. 219]. Нельзя сказать, что новейшая литература полностью отвечала его настроениям, самому себе он признавался, что не очень понимает поэтов-символистов. Но ему было приятно, что эти авторы «не воспевают страданий народа, не кричат «вперед, без страха и сомненья» и о заре «святого возрождения» [12, с. 287]. Старшее поколение слишком много внимания уделяло материальному и совсем не интересовалось духовной жизнью человека; людям надо не объединяться, а разъединяться, думает Самгин. При этом он с досадой замечает, что многие его мысли, уводящие от злобы дня, уже превзошел Мережковский. Свое находит Самгин и в

«Вехах»: «В этой книге есть идеи очень близкие мне, быть может, рожденные, посеянные мною» [14, с. 233].

Как у прототипов, так и у героя «система фраз», по мнению Горького, меняется в зависимости от исторического момента. Писатель отмечал это у Поссэ: «удивительно путаная голова, всегда таким был» [23, с. 220]; у Миролубова: «...Человек, который ради личного желания завести порядок в своей душе, публично "эволюционирует"» [17, с. 140]. Желание Миролубова «послужить народу» Горький объяснял стремлением «оправдать бессмысленный факт своего личного бытия» и разобрать «хаос в своей дряблой, засоренной всякой дрянью душе» [17, с. 140]. Эта характеристика почти дословно переадресована Самгину, которому казалось, «что его вместилище впечатлений – то, что называют душой, – засорено этими мудрствованиями и всем, что он знал, видел, – засорено на всю жизнь» [11, с. 389], что он обречен на «служение народу», и этот долг вызвал у него чувство жалости к себе.

В глазах писателя подобные искания русского интеллигента накануне революции – свидетельство его ненадежности в главном деле, изменении жизни. Проблемно-тематически «Жизнь Клима Самгина» тесно связана с «Несвоевременными мыслями», где Горький писал о малодушии интеллигенции, которая одна могла бы (но не сделала этого) внести в разразившийся хаос начало культуры, возглавить революционный процесс и направить его в созидательное русло. В 1928 году писатель возвращается к этой мысли в статье «О белоэмигрантской литературе» и на протяжении более, чем десятилетия развивает ее в своем последнем романе. Тот факт, что вина русской интеллигенции до конца дней остается для Горького непреходящей проблемой («Жизнь Клима Самгина» не исторический роман, другое дело, что у Горького обостренное чувство «истории нашей современности» [20, с. 40]), красноречиво свидетельствует о его умонастроениях как за границей, так и в СССР. Здесь же, возможно, кроется и главная причина возвращения писателя на родину: бесконечное множество его начинаний – долг коллективного Самгина, взятый им на себя.

Понятийное и художественное в образе Самгина

Два взаимодополняющих элемента, две константы выдают авторство Горького на всех этапах его творческого пути: ярко выраженное умозрительное начало и тяга к иносказанию, проявляющаяся как в стиле, так и в жанровых предпочтениях. Обычно эти свойства считаются репрезентативными для текстов 1890–1900-х годов, а в более поздних исчезают из поля зрения исследователей. Но не из художественного состава горьковской прозы, в том числе и «Жизни Клима Самгина». Об этом говорит и обилие риторики в романе, и его «документализм», и скрыто мемуарная природа книги, на которую указывают многие исследователи, и подчеркнутая всеобщность, своеобразный протеизм героя [6, с. 308–309]. Обратим внимание на то, как достигается этот протеизм: автор искусно сужает широкого русского интеллигента до одной черты – неспособности к революционному (по Горькому, вечно революционному) действию (в горьковском лексиконе синоним жизнотворчества).

С какой последовательностью, даже ригоризмом писатель придерживается этого принципа, хорошо видно из того, что в своей оценке, повторимся, он не делает исключения даже для Бунина, прекрасно понимая: в его биографии социалистические увлечения – лишь эпизод, не идущий ни в какое сравнение с литературным

творчеством. В письме к И. А. Груздеву Горький с иронией вспоминал, как Бунин в 1904–1905 годах самоопределялся: «... кто он? – с.-р или с.-д? И если с.-д, то – м<еньшевик> или б<ольшевик>? "На кой черт это вам?" – "Э, батенька, мы, литераторы, должны быть в первых рядах"» [24, с. 243].

Метод работы писателя с жизненным материалом позволяет увидеть в центральной фигуре романа аллессию предреволюционной русской интеллигенции. Тем более что сам автор склонен аллегоризировать многое из того, что наблюдает его герой, и оставляет об этом соответствующие пометки в тексте. О ловле несуществующего сома, вопросе неизвестного: «Да был ли мальчик?», об указывающем в пол пальце мертвого Лютова в романе не раз и устами разных героев будет сказано: «Аллегория». В свою очередь «угрожающе поднятые в небо пальцы фабричных труб» напоминают Самгину «исторические предвидения и пророчества Кутузова» [11, с. 258]. Исполненным скрытого смысла иносказанием кажутся Климу душевные излияния агента полиции Митрофанова и своя собственная усталость. После событий 1905 года герой угадывает аллессию в словах Марины Зотовой о вещах в доме, которые теперь словно допытываются: «Как ты поставишь нас?» Даже парад кокоток в Булонском лесу воспринимается персонажами как аллегория. И это лишь часть примеров.

Аллегорический смысл возникает в романе при пересечении внутреннего монолога героя с идущими извне сентенциями. Самгина мучает сознание, что кто-то всегда раньше, чем он, формулирует его мысли. Кутузов как бы подводит итог этой рефлексии: «Одно из основных качеств русской интеллигенции – она всегда опаздывает думать» [14, с. 326]. При этом обнажается понятийная подоплека образа, что характерно именно для аллессии¹. К понятию отсылают и многие, на первый взгляд, темные метафоры, адресованные Самгину автором или другими персонажами, вроде: «Вы, Самгин, как двоечье...», «Он чувствовал себя колоколом...» и т.п. При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что речь идет либо об устойчивых горьковских метафорах, смысл которых проясняется в более широком художественном контексте, либо о метафорах, хорошо укорененных в русской литературно-публицистической традиции, либо, наконец, об афоризмах политических деятелей, данных в парафразе [6].

Подобного рода образность в аллессии имеет служебный характер. Она может даже перевешивать понятийную часть, пишет А. Ф. Лосев, и сама по себе быть пышной и художественной, но это «не имеет никакого существенного значения для иллюстрируемой <...> отвлеченной мысли» [27, с. 136]. С. С. Аверинцев также указывает на ослабленную связь двух начал в аллессии, где «смысл существует в виде некоей рассудочной формулы, которую можно "вложить" в образ и затем в акте дешифровки извлечь из образа» [1, с. 28].

Аллегория и реалистический характер

Уникальность Самгина как аллегорической фигуры заключается в том, что наряду с иллюстративной образностью понятие здесь маскирует полноценный реалистический характер, к тому же созданный с опорой на человеческий документ. И не один. Больше

¹ Авторы практически всех эстетических теорий, создававшихся в разные исторические эпохи, при всех нюансах в трактовке аллессии неизменно отмечали логику, лежащую в ее основе, и свойственную ей полную смысловую определенность [см. 28, с. 237–257; 36, с. 232–257].

Родство Самгина с прототипами проявляется и в мелких «фамильных» деталях внешности, и в глубинных соответствиях психологического порядка. Горький неоднократно отмечает холодный взгляд Самгина; как «человека с холодненькими глазками» [10, с. 344] характеризует он и Мельгунова. С Поссе Самгин разделит слабость характера и психологическую неустойчивость. «Вообще он – слабый человек» [15, с. 371], – писал Горький о своем товарище. Такой вывод он делал на основании писем Поссе, где речь шла о «страшной тоске», «боязни сойти с ума», «самоубийстве» и т. п. [16, с. 392]. Подобные мысли, как известно, нередко посещают горьковского героя.

Даже в общеинтеллигентской по содержанию рефлексии Самгина порой проскальзывают личностно маркированные моменты. Маклаков, к примеру, вспоминал тактику, которой придерживался в новой для себя, молодежной революционной среде: «Однажды для решения какого-то несогласия спросили моего мнения, считаю ли я Лассалья "теоретиком" или "практиком"? Мне было стыдно признаться, что я почти не знал, кто такой и что такое Лассаль. Чтобы себя не осрамить, мне пришлось поневоле с ученым видом знатока хранить молчанье в важном споре». А далее пишет: «Мало было оказаться "в курсе" вопросов. Надо было выбирать и решать» [29, с. 67–68]. Горьковский герой регулярно оказывается в такой ситуации, и его тоже порой посещает мысль о необходимости идейного самоопределения: «В конце концов я заметен лишь потому, что стою в стороне от всех и молчу. Необходимо принять какую-то идею. <...> Надо иметь в душе некий стержень» [11, с. 380].

Следует еще раз повторить вслед за А. И. Овчаренко: Самгин ни в коей мере не равняется своим прототипам. И тем более не является карикатурной копией ни кого-либо из них конкретно, ни всех вместе. Подобный метод (Горький называл его портретным), по мнению писателя, расцвел в 1910-е годы: «...что за "новая полоса" в русской литературе? Дымов пишет портрет Мережковского, Шолом-Аш – портреты Дымова, Волынского, Бургеса, Чирикова и т.д., и все – ужасно! Сологуб изобразил, как будто и как говорят, меня, Ропшин тоже портретист, Винниченко – также. Наконец – только что прочитал рукопись повести, где изображен – отвратительно и лживо – один из современных крупных писателей» [20, с. 41]. Обозначившаяся тенденция возмутила его настолько, что он писал о ней не одному из своих корреспондентов [см.: 20, с. 33, 34, 51].

Но в этой связи невольно напрашивается мысль о бесчисленном сонме прототипов Самгина. Такого множества не стоит, наверное, ни за каким другим героем мировой литературы, число прототипов у Горького выходит за рамки всякой меры. Сознал ли при этом писатель, что может задеть чувства кого-либо из вчерашних соратников? Безусловно: «Поссе – один из тех моих современников, которым особенно не понравится Самгин» [24, с. 174]. Возникает вопрос: чем портретный метод Горького отличается от того, который практиковали перечисленные им авторы?

Реакция писателя на романы с ключом (а речь идет именно об этом жанре), на первый взгляд, несоразмерная вызвавшему ее поводу, объясняется контекстом цитированного выше письма Р. М. Бланку 1912 года. В письме речь идет о программе объединения творческой интеллигенции в «Интернациональной Лиге», с которой в предчувствии мировой войны выступили известные ученые и писатели Старого и Нового света. Горькому эта идея глубоко созвучна, ей, в частности, посвящена статья «Издадека» (1911). Статья была написана на Капри, и к теме своей Горький тоже подступает издадека.

«Современная наука уверенно говорит нам, что действительное богатство мира – энергия <...>

Социологический вывод отсюда совершенно ясен: ничтожные крохи энергии отвоеваны у природы разумом и волей человека, значит – необходимо заботиться о развитии и организации в мире духовных сил человечества, в целях дальнейшего открытия и завоевания источников энергии, и эта забота об организации интеллектуальных сил должна приобрести в нашем сознании значение мировой исторической необходимости, что и должно быть понятно разумному человеку» [9, с. 98].

Литераторские войны, вынесенные на страницы повестей и романов, составляют резкий контраст грандиозным интеллектуальным задачам, которые ставит перед интеллигенцией Горький: «Как почитаешь всю эту злую ахинею, опускаются руки, и мечты о возможности объединения – гаснут...» [20, с. 41]. Таким образом, к многочисленным прототипам Самгина можно смело добавить и упомянутых его создателем авторов-портретистов.

Идея сплочения интеллигенции приобретает для Горького особую важность в годы революции и Гражданской войны. В этих обстоятельствах индивидуализм не мог восприниматься им иначе, как свидетельство деградации разумного человека.

Детально проработанный реалистический характер, на первый взгляд, несовместим с аллегорией, исключает иносказание. К прототипу авторы обычно прибегают в стремлении придать действующему лицу узнаваемость. У Горького этот мотив тоже присутствует, в герое все выдает представителя той интеллигенции, о которой писатель говорит: «...уже не герой и пока еще не герой» [22, с. 293]. Но Самгин, как уже не раз отмечалось, не просто узнаваемый и даже не собирательный характер, не просто тип. Это групповой портрет русской интеллигенции – образ, в котором просвечивает понятие.

Интеллектуализм – определяющая черта «Жизни Клим Самгина». Интеллектуальная рефлексия является здесь не только предметом, но в значительной мере и способом художественного отражения. (Не случайно Горький был готов к тому, что роман не признают художественным произведением). Риторическое конкурирует в романе с миметическим – это первое, на что обратили внимание критики и горьковские корреспонденты из числа писателей. «<...> Книга слишком насыщена афоризмами в диалогах <...>, – писал Горькому Пришвин [26, с. 352]. По мнению Адамовича, «в "Климе Самгине" встречается множество удачнейших, живых и очень ярких эпизодов, но в целом они будто "вкраплены" для развлечения читателя и тягучую ткань романа лишь иллюстрируют, как вставные картинки, с ней не сливаясь» [2, с. 118]. Сказанное критиком почти дословно совпадает с тем, что пишут теоретики о служебной функции образа в аллегории.

ВЫВОДЫ

Актуальность аллегории для литературы Нового и Новейшего времени многократно доказана. За свою многовековую историю аллегория не могла не трансформироваться, однако и сегодня обязательной формой ее существования считается условный контекст. В реалистическом контексте аллегория становится невидимкой. Но, как показывает опыт Горького в «Жизни Клим Самгина», неявность не означает отсутствия.

Разнообразный материал, содержащийся в биографиях прототипов, в «Жизни Клим Самгина» оценивается с точки зрения исторической миссии интеллигенции, которую автор видит в совершенствовании жизни. Отраженные в романе реальные факты подчинены этой идее так, что в образе конкретного интеллигента проступает понятие

интеллигенции. Такой синтез художественного и абстрактного свойственен аллегории. Отвлеченные метафоры, риторические лейтмотивы, интеллектуальные диалоги усиливают соответствующий эффект, но законченный реалистический характер, используемый в данном случае для иллюстрации идеи, противоречит эстетическим правилам.

«Современная эстетика не выяснила достаточно полно место и роль аллегории в реалистическом искусстве» [28, с. 257], – писали в свое время А. Ф. Лосев и В. П. Шестаков. Предлагаемый наукой последних десятилетий метод аллегорического чтения при корректном его применении позволяет обнаружить в реалистическом контексте аллерию-метафору. С этим связаны перспективы дальнейшего исследования «Жизни Клим Самгина», тем более что сам Горький периодически всплывающими в романе авторскими ремарками указывает на необходимость такого его прочтения.

Список литературы

1. Аверинцев, С.С. София – Логос. Словарь [Текст] / С.С. Аверинцев. – Киев : Дух и Литера, 2000. – 450 с.
2. Адамович, Г.В. Собр. соч. Литературные заметки: в 5 кн. – Кн. 2. («Последние новости» 1932–1933) [Текст] / Г.В. Адамович. – СПб. : Алетейя, 2007. – 512 с.
3. Амфитеатров, А.В. Восьмидесятники: роман: в 2 т. [Текст] / А.В. Амфитеатров. – 2-е изд. доп. – СПб. : тип. т-ва «Общественная Польза», 1908. – Т. 1. – 468 с.
4. Арифулин, Ф.М. Общественно-политические взгляды С.П. Мельгунова 1900–1956 гг.: дис. кандидата исторических наук : 07.00.02 [Текст] / Ф.М. Арифуллин. – Брянск, 2018. – 220 с.
5. Белоусов, А.И. Литературная среда: Воспоминания (1880–1928) [Текст] / А.И. Белоусов. – М.: Кооп. изд-во писателей «Никитинские субботники», 1928. – 278 с.
6. Борисова, Л. «Двоеочие», «колокол», «нить», или Клим Самгин как аллегория [Текст] / Л. Борисова // Вопросы литературы. – № 2. – С. 300–321.
7. Борисова, Л.М. Герой и его прототипы : Проблема поколенческой идентичности в романе М. Горького «Жизнь Клим Самгина» [Текст] / Л.М. Борисова, Е.А. Шульженко // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – Симферополь, 2020. – Т. 6. – № 4. – С. 3–15.
8. Вересаев, В. Воспоминания: изд. 3, доп. / В. Вересаев. – М., Л. : ОГИЗ Госиздат «Художественная литература», 1946. – 508 с.
9. Горький, М. Статьи 1905–1916 гг. [Текст] / М. Горький – Л. : Парус. – 214 с.
10. Горький, М. Собрание сочинений : в 30-ти т. [Текст] / М. Горький; АН СССР; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М. : гос. изд-во худож. лит., 1953. – Т. 24. – 582 с.
11. Горький, М. Полное собрание сочинений : художественные произведения : в 25 т. [Текст] / М. Горький; АН СССР; Институт мировой литературы им. А.М. Горького – М. : Наука, 1974. – Т. 21. – 580 с.
12. Горький, М. Полное собрание сочинений : художественные произведения : в 25 т. [Текст] / М. Горький; АН СССР; Институт мировой литературы им. А.М. Горького – М. : Наука, 1974. – Т. 22. – 692 с.

13. Горький, М. Полное собрание сочинений : художественные произведения : в 25 т. [Текст] / М. Горький; АН СССР; Институт мировой литературы им. А.М. Горького – М. : Наука, 1975. – Т. 23. – 420с.
14. Горький, М. Полное собрание сочинений : художественные произведения : в 25 т. [Текст] / М. Горький; АН СССР; Институт мировой литературы им. А.М. Горького – М. : Наука, 1975. – Т. 24. – 596 с.
15. Горький, М. Полное собрание сочинений : письма : в 24 т. [Текст] / М. Горький; РАН; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М. : Наука, 1997. – Т. 1. – 707 с.
16. Горький, М. Полное собрание сочинений : письма : в 24 т. [Текст] / М. Горький; РАН; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М. : Наука, 1997. – Т. 2. – 483 с.
17. Горький, М. Полное собрание сочинений : письма : в 24 т. [Текст] / М. Горький; РАН; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М. : Наука, 1998. – Т. 4. – 483 с.
18. Горький, М. Полное собрание сочинений : письма : в 24 т. [Текст] / М. Горький; РАН; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М. : Наука, 2001. – Т. 7. – 627 с.
19. Горький, М. Полное собрание сочинений : письма : в 24 т. [Текст] / М. Горький; РАН; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М. : Наука, 2001. – Т. 8. – 605 с.
20. Горький, М. Полное собрание сочинений : письма : в 24 т. [Текст] / М. Горький; РАН; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М. : Наука, 2003. – Т. 10. – 782 с.
21. Горький, М. Полное собрание сочинений : письма : в 24 т. [Текст] / М. Горький; РАН; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М. : Наука, 2004. – Т. 11. – 595 с.
22. Горький, М. Полное собрание сочинений : письма : в 24 т. [Текст] / М. Горький; РАН; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М. : Наука, 2009. – Т. 14. – 822 с.
23. Горький, М. Полное собрание сочинений : письма : в 24 т. [Текст] / М. Горький; РАН; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М. : Наука, 2012. – Т. 16. – 987 с.
24. Горький, М. Полное собрание сочинений : письма : в 24 т. [Текст] / М. Горький; РАН; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М. : Наука, 2017. – Т. 19. – 998 с.
25. Короленко, В. Г. Полное собрание сочинений : в 9 т. [Текст] / В.Г. Короленко. – СПб. : А.Ф. Маркс, 1914. – Т. 9. – 443 с.
26. Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка [Текст]. – М. : Изд-во АН СССР. – 742 с.
27. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство [Текст] / А.Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1976. – 367 с.
28. Лосев, А.Ф. История эстетических категорий [Текст] / А.Ф. Лосев, В.П. Шестаков. – М. : Искусство, 1965. – 374 с.
29. Маклаков, В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни [Текст] / В.А. Маклаков. – М. : Московская школа политических исследований, 2011. – 384 с.
30. Михайловский, Н.К. Литература и жизнь [Текст] / Н. К. Михайловский // Русское богатство. – 1902. – № 1.
31. Овчаренко, А.И. М. Горький и литературные искания XX столетия : изд. 3-е, доп. [Текст] / А.И. Овчаренко. – М. : Художественная литература, 1982. – 590 с.
32. Овчаренко, О.А. М. Горький как теоретик литературы [Текст] / О.А. Овчаренко // StudiaLitterarum. – 2018. – Т. 3. – № 1. – С. 234–251.
33. Поссе, В.А. Мой жизненный путь: дореволюционный период (1864–1917 гг.) с портр. автора [Текст] / В.А. Поссе, Редакция и примеч. Б.П. Козьмина; Предисл. В.И. Невского. – М., Ленинград : Земля и фабрика, 1929. – 548 с.

34. Пришвин, М.М. Дневник 1936–1937 [Текст] / М.М. Пришвин. – СПб. : ООО «Изд-во "Росток"», 2010. – 992 с.
35. Спиридонова, Л.А. Концепция личности в системе философско-эстетических взглядов М. Горького [Текст] / Л.А. Спиридонова // Концепция мира и человека в творчестве М. Горького. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – Вып. 9. – С. 9–40.
36. Тодоров, Ц. Теории символа [Текст] / Ц. Тодоров. – М. : Дом интеллектуальной книги. Русское феноменологическое общество, 1998. – 408 с.
37. Шулятников, В. Н. И. Тимковский [Электронный ресурс] / В. Шулятников. – Режим доступа : http://az.lib.ru/s/shuljatikow_w_m/text_0120.shtml (дата обращения 31.01.2021).

References

1. Averincev S.S. *Sofiya – Logos. Slovar* [Sophia is the Logos. Dictionary]. Kiev: Dux i Literatura Publ., 2000. 450 p.
2. Adamovich G.V. *Sobr. Soch. Literaturnye Zametki: v 5 Kn. – Kn. 2. (Poslednie Novosti 1932–1933)* [Collected Works. Literary Notes in 5 Vols. – Book 2. (Latest News 1932–1933)]. SPb.: Aleteiya Publ., 2007. 512 p.
3. Amfiteatrov A.V. *Vosmidesyatniki: Roman: v 2 T.* [The Poets of the 1980s. Novel in 2 Vols.]. SPb.: Obshchestvennaya Polza Publ., 1908. 468 p.
4. Arifulin F.M. *Obshchestvenno-Politicheskie Vzglady S.P. Melgunova 1900–1956 Gg.: Dis. Kand. Istor. Nauk* [Social and Political Views of S.P. Melgunov 1900–1956. Thesis]. Bryansk, 2018. 220 p.
5. Belousov A.I. *Literaturnaya Sreda: Vospominaniya (1880–1928)* [Literary Environment: Memories (1880–1928)]. Moscow: Nikitinskiye Subbotniki Publ., 1928. 278 p.
6. Borisova L. *Dvoetochie, Kolokol, Nit, ili Klim Samgin kak Allegoriya* [Colon, Bell, Thread, or Klim Samghin as an Allegory]. *Voprosy Literatury*, no 2, pp. 300–321.
7. Borisova L.M., Shulzhenko E.A. *Geroi i Ego Prototipy: Problema Pokolencheskoi Identichnosti v Romane M. Gorkogo Zhizn Klima Samgina* [The Hero and His Prototypes. The Problem of Generational Identity in M. Gorky's Novel The Life of Klim Samgin]. *Uchenye Zapiski Krymskogo. Inzhenerno-Pedagogicheskogo Universiteta. Seriya: Filologiya. Istoriya*, Simferopol', 2020, no 4, pp. 3–15.
8. Veresaev V. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1946. 508 p.
9. Gorkii M. *Stati 1905–1916 Gg.* [Articles. 1905–1916]. Leningrad: Parus Publ., 214 p.
10. Gorkii M. *Sobranie Sochinenii: 30-ti T.* [Collected Works in 30 Vols.]. Moscow: Gos. Izdatelstvo Khudozhestvennoi Literatury, 1953. Vol. 24. 582 p.
11. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Khudozhestvennye Proizvedeniya: v 25 T.* [Complete Works. Literary Works in 25 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1974. Vol. 21. 580 p.
12. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Khudozhestvennye Proizvedeniya: v 25 T.* [Complete Works. Literary Works in 25 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1974. Vol. 22. 692 p.
13. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Khudozhestvennye Proizvedeniya: v 25 T.* [Complete Works. Literary Works in 25 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1975. Vol. 23. 420 p.
14. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Khudozhestvennye Proizvedeniya: v 25 T.* [Complete Works. Literary Works in 25 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1975. Vol. 24. 596 p.

15. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Pisma: v 24 T.* [Complete Works. Letters in 24 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1997. Vol. 1. 707 p.
16. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Pisma: v 24 T.* [Complete Works. Letters in 24 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1997. Vol. 2. 483 p.
17. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Pisma: v 24 T.* [Complete Works. Letters in 24 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1998. Vol. 4. 483 p.
18. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Pisma: v 24 T.* [Complete Works. Letters in 24 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 2001. Vol. 7. 627 p.
19. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Pisma: v 24 T.* [Complete Works. Letters in 24 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 2001. Vol. 8. 605 p.
20. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Pisma: v 24 T.* [Complete Works. Letters in 24 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 2003. Vol. 10. 782 p.
21. Gor`kij M. *Polnoe sobranie sochinenij: pis`ma: v 24 t.* [Complete works: letters: in 24 volumes]. Moscow: Nauka Publ., 2004. Vol. 11. 595 p.
22. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Pisma: v 24 T.* [Complete Works. Letters in 24 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 2009. Vol. 14. 822 p.
23. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Pisma: v 24 T.* [Complete Works. Letters in 24 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 2012. Vol. 16. 987 p.
24. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Pisma: v 24 T.* [Complete Works. Letters in 24 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 2017. Vol. 19. 998 p.
25. Korolenko V.G. *Polnoe Sobranie Sochinenii: v 9 T.* [Complete Works: in 9 Vols.]. SPb.: A.F. Marks Publ., 1914. Vol. 9. 443 p.
26. *Literaturnoe Nasledstvo. T. 70. Gorkii i Sovetskie Pisateli. Neizdannaya Perepiska* [Literary Heritage. Vol. 70. Gorky and Soviet Writers. Unpublished Correspondence]. Moscow: AN SSSR Publ. 742 p.
27. Losev A.F. *Problema Simvola i Realisticheskoe Iskusstvo* [The Symbol Problem and Realistic Art]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1976. 367 p.
28. Losev A.F., Shestakov V.P. *Istoriya Jesteticheskikh Kategorii* [History of Aesthetic Categories]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1965. 374 p.
29. Maklakov V.A. *Iz Vospominanii. Uroki Zhizni* [From Memories. Life Lessons]. Moscow: Moskovskaya Shkola Politicheskikh Issledovanii Publ., 2011. 384 p.
30. Mikhailovskii N.K. *Literatura i Zhizn* [Literature and Life]. *Russkoe Bogatstvo*, 1902, no 2.
31. Ovcharenko A.I. M. *Gorkii i Literaturnye Iskaniya XX Stoletiya* [M. Gorky and Literary Searches of the 20th Century]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1982. 590 p.
32. Ovcharenko O.A. M. *Gorkii kak Teoretik Literatury* [M. Gorky as a Literary Theorist]. *Studia Litterarum*, 2018, Vol. 3, no 1, pp. 234–251.
33. Posse V.A. *Moi Zhiznennyi Put: Dorevolutsionnyi Period (1864–1917 Gg.) s Portr. Avtora* [My Life Path. Pre-Revolutionary Period (1864–1917)]. Moscow, Leningrad: Zemlya i Fabrika Publ., 1929. 548 p.
34. Prishvin M.M. *Dnevnik 1936–1937* [Diary 1936–1937]. SPb.: Rostok Publ., 2010. 992 p.
35. Spiridonova L.A. *Koncepsiya Lichnosti v Sisteme Filosofsko-Jesteticheskikh Vzglyadov M. Gorkogo* [The Concept of Personality in the System of Philosophical and Aesthetic Views of M. Gorky]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2009. pp. 9–40.
36. Todorov Ts. *Teorii Simvola* [Symbol Theories]. Moscow: Dom Intellektualnoi Knigi. Russkoe Fenomenologicheskoe Obshchestvo Publ., 1998. 408 p.

37. Shulyatnikov V. *N.I. Timkovskii* [N.I. Timkovskii]. Available at: http://az.lib.ru/s/shuljatikow_w_m/text_0120.shtml (accessed 30 January 2021).

THE HERO AND HIS PROTOTYPES. ALLEGORY OF THE INTELLIGENTSIA IN THE NOVEL THE LIFE OF KLIM SAMGIN BY M. GORKY

Borisova L. M., Shulzhenko Yu. A.

Summary. The analysis of the connection between the hero and the group prototype indicates a constant vector in the author's assessment of Samgin's personality: certainty / uncertainty of the socio-political position. The variety and complexity of the hero's professional, spiritual and cultural quests in *The Life of Klim Samgin* are viewed as a betrayal of the main purpose of the intellectual, regarded by the writer as the main face of the permanent revolution. Considering the key episodes of the novel in the context of Gorky's epistolary and journalistic legacy, the authors of the article reveal the conceptual background of the image, its allegorism. Abstract metaphors and rhetorical leitmotifs in the characterization of the hero testify to this. The allegorical meaning of the narrative is also indicated by the author's direct remarks in the text of the novel. The peculiarity of Gorky's allegory of the intelligentsia lies in the fact that, along with the traditional illustrative imagery, it contains a realistic character, developed with documentary precision. The article provides numerous examples of textological coincidences between *The Life of Klim Samgin* and recollections of concrete historical figures.

Keywords: prototype, M. Gorky, *The Life of Klim Samgin*, allegory, intelligentsia.